

КРОКОДИЛ

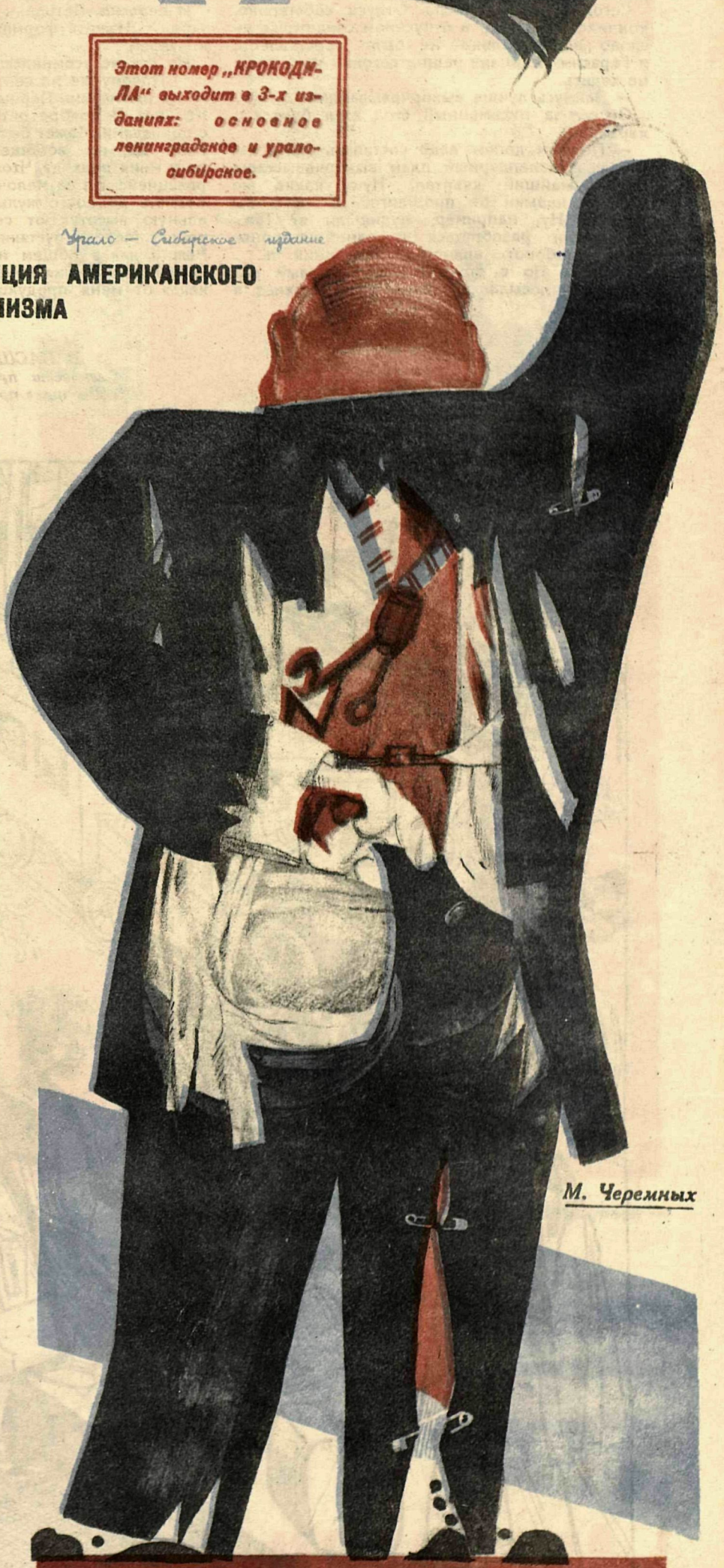
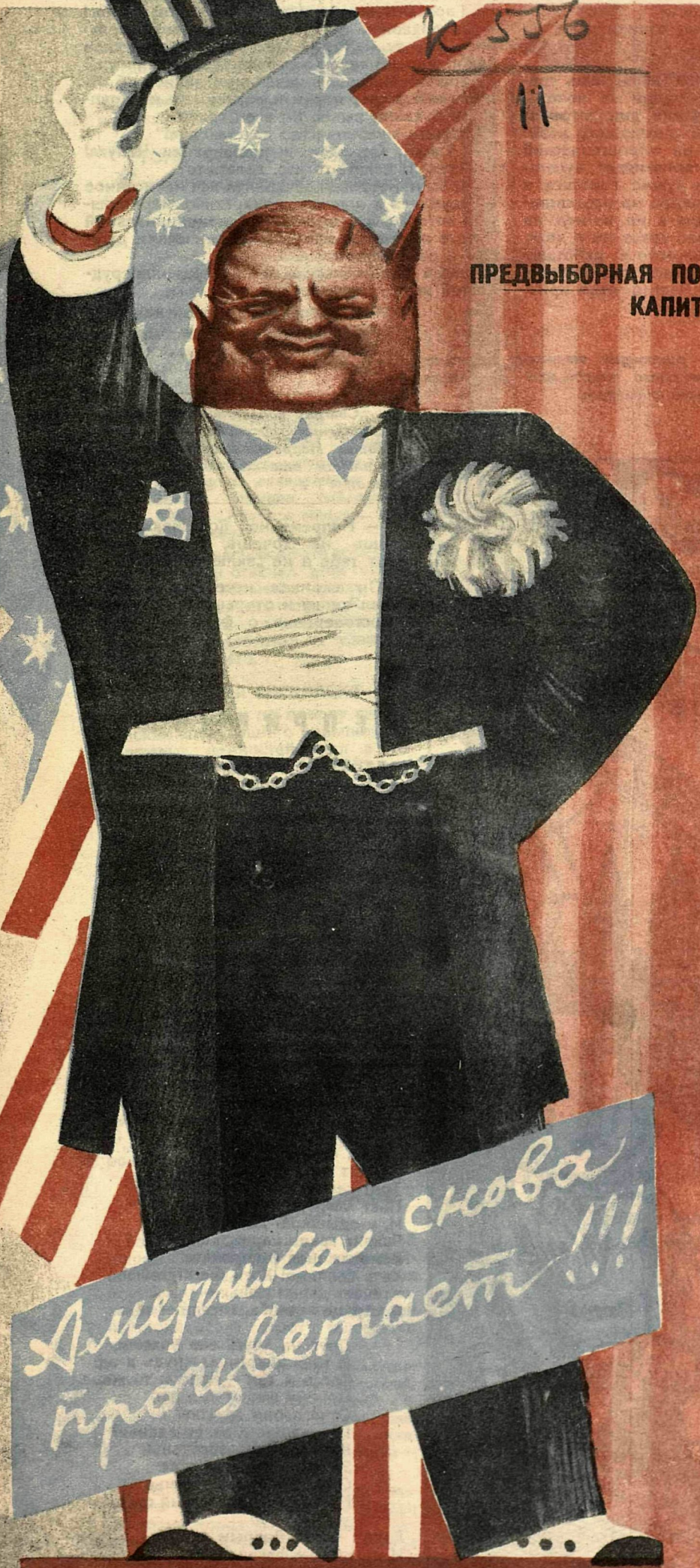
№ 24

К 556
11

Этот номер „КРОКОДИЛА“ выходит в 3-х изданиях: основное ленинградское и уралосибирское.

Урал - Сибирское издание

ПРЕДВЫБОРНАЯ ПОЗИЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО КАПИТАЛИЗМА

М. Черемных

1. ВИД СПЕРЕДИ.

2. ВИД СЗАДИ.

НЕЛЕГКОЕ ДЕЛО

ГЕРАСИМ Петрович давно собирался начать новую жизнь. Но как-то все было некогда. Приходилось откладывать.

— Проживу отпуск по старому и на другой же день начну самовыкорчевывать прежние недостойные привычки и навыки.

Сегодня первое число. Отпуск, собственно, кончился вчера, но в отпускном свидетельстве слово „включительно“ не было проставлено, и Герасим Петрович решил сегодня на службу не ходить.

— Займусь лучше выкорчевыванием.

Он сел за письменный стол, взял бумагу и карандаш.

— Первым делом надо составить опись наследия и календарный план выкорчевывания на ближайший квартал. Ну-с, какие же у меня навыки от прошлого? С чего бы начать? Ну, например, жулик ли я? Так... Гм... Если разобраться с одной стороны, даже наоборот, авангард, замечаний даже не имею. Но с другой? Да... Прошлый раз секретарь посылал в райком делать доклад, а

я отказался, ссылаясь на срочную работу. А какая была работа? Доигрывали пулюку с Пашкой и Екатериной Петровной. Конечно, мы не аскеты и преферанс не чужд пролетарию, но нельзя же так. Выходит — жульнические навыки у меня в сознании имеются.

И Герасим Петрович записал в графу „сентябрь“: „Изжить формальные отношения с секретарем“.

Но тут же усомнился:

— Почему же на сентябрь? Такую вещь сразу не изживешь. Перенесу лучше на ноябрь. Нет, нет. В ноябре октябрьские дни: загоняет с докладами. Может быть, со следующего квартала? Да, но вообще-то не упрощенческий ли у меня подход? Что-то попахивает вульгаризацией... Не за мелочами нужно гоняться, а поднять вопрос о жульничестве на принципиальную высоту. Вот сегодня я не пошел на работу. Мелочь, пустяки! Дело вовсе не в этом. Важно, как в общем и целом-то я работаю? Государство меня поит, кормит, содержит, а какая от меня продукция? Честно надо при-

звать — одно жульничество. Нет продукции! Делаю вид, что занят и треплюсь, треплюсь без конца. Энтузиазм напускной, словесный. Убеждений, веры принципов только что для показа. Самокритика фальшивая, больше подхалимства да молчаливства! Эх, Гарася, Гарася! Прохвост ты, Гарася! И все ради своей шкуры и утробы — Он похлопал с ненавистью по внушительному животу. — Позор! Тоже социалистическое накопление! В какую же графу все это записать?

Герасим Петрович зачеркнул запись об отношениях с секретарем и размашистыми крупными буквами вывел по всем графам: „Изжить жульничество как таковое!“

— Так-с... Слушали и постанововили. Чепуха! Отписка! А делать-то что, делать-то?

Герасим Петрович зачеркнул все написанное и задумался в поисках конкретных мероприятий, которые и стояли бы на принципиальной высоте и не отдавали бы упрощенческим душком и делячеством.

Работа была нелегкая. А в довершение трудностей кто-то постучал в дверь.

— Повестка от домовой конторы!

Герасим Петрович открыл дверь и принял тонкую папиросную бумажку:

„Сегодня последний день представления удостоверений о заработной плате. Непредставившим — максимальная ставка новой квартплаты“.

— Непременно помешают! Хочешь не хочешь, а надо идти. Вот тебе и не „включительно“!

Он скомкал исчеркнутый лист, снял кепку и отправился доставать удостоверение о фиктивном заработке.

Б. Самсонов.

В САСШ в решающих отраслях промышленности производство опустилось до уровня 80-х годов прошлого столетия.

А. Радаков

МИЛЛИАРДЕР: — Не понимаю! Страна помолодела на 50 лет, а я чувствую себя на 50 лет постаревшим.

НЕПРИВЫЧНОЕ

ЖЕЛТЫЙ, как осенний лист, мрачно ходит сценарист. Залпом курит по-привычке, Зажигая нервно спички. И глаза его жены Сострадания полны: — Ты бы, Коля, выпил чая... Сценарист, не отвечая, Скучен, мрачен, худ и зол, Каблуками портит пол.

Издавая грустный свист, Хмуро бродит беллетрист. Кот с утра забился в угол, Сын — напуган и изруган, Домработница — ворчит, И машинка не стучит. Беллетрист и зол и бледен, — Чай — не пит, обед — не с'еден, Сердце ноет, как в тисках, И мигрень сидит в висках.

Тучен, скучен и мясист Киснет злой фельетонист, Трет затылок и брезгливо Пьет нагретшее пиво, И, с одышкой дыша, Гладит грань карандаша. Взмогла шея и сорочка. Хоть бы тема! Хоть бы строчка! Утекает даром день, — В сердце — злоба, в теле — лень.

Друг на друга все похожи, В трех квартирах — нудь и ад. Здесь и там — одно и то же. Почему же, отчего же, Отчего они грустят? Где причина их страдания? Ах! Вчера на заседаньи Эти трое громче всех Обещали взять заданье На здоровый, бодрый смех...

Город полон бодрим смехом, И крылатым, легким эхом Бодрый смех летит в окно. Но, увы, фельетонисту, Беллетристу, сценаристу — Им ни капли не смешно!

Вас. Лебедев-Кумач.

БРЮКИ КАК ЛОЗУНГ

В припадке неожиданного целомудрия венгерское правительство „особым декретом запретило мужчинам появляться на купальных пляжах в трусиках“.

Отмечаем это как первый случай, когда венгерское правительство пытается надеть брюки на большинство населения, а не снять их с него.

ТОНКОСТИ ПОСТАНОВКИ

В своей последней речи сенатор Бора заявил, что:

„мировая экономическая конференция без постановления вопроса о долях напоминает постановку „Гамлета“ без Гамлета“.

Зато та же конференция с прениями о военных долгах безусловно напомнит постановку „Шейлока“ с десятью Шейлоками в главной роли.

КАНИНИЗАЦИЯ

По словам „Манчестер Гардиан“ „некоторые государства по вопросу о разоружении держатся позиции библейского Каина: „Разве я сторож брату моему?“

Разница здесь все-таки есть. Библейский Каин отвечал этой галантной фразой, закончив свою плодотворную деятельность, а „Каины“ международные с нее только и начинают подготовку к убийству ближнего своего.

СТРАННАЯ РАСКРАСКА

Ллойд-Джордж по поводу американских спекуляций с повышением биржевых ценностей впал в необузданную лирику и заявил:

„между тучами уже видно голубое небо“.

В минуты опасности, по русской пословице, небо часто кажется в овчинку. Но почему у Ллойд-Джорджа овчинка — голубого цвета?

НА ПРЕДМЕТ ВОРОНЫ

Когда недавно арестованных испанских монархистов спросили на допросе:

„кого именно они хотели посадить на испанский трон, арестованные ответили, что короля они собирались найти уже после монархического переворота“.

На этот случай существует прекрасная арабская пословица:

„Приготовь только падаль, а ворона уже сама прилетит“.

„АНГЛИЧАНИН НИКОГДА НЕ БУДЕТ РАБОМ“

Розничная торговля в доброй старой Англии идет довольно бойко. Тем более, что впервые после освобождения негров появился новый ассортимент товаров... В одной из лондонских газет помещено такое объявление:

„Продается молодой человек, 29 лет, высокий, здоровый, крепкий, интеллигентный. Готов делать все равно что, отправиться все равно куда. Цена за 10 лет владения — 520 фунтов стерлингов“.

У нас в Москве уже начала выходить под редакцией М. Горького „История молодого человека“. Рекомендуем Алексею Максимовичу использовать для нее и этого молодого человека. Ему ведь все равно, где ни находиться, а для будущих поколений это будет весьма полезно.

Л. Бродаты

— Обратите внимание, коллега, — к этому полотну будет трудно придраться — уж больно осторожный подход к теме.

КРОКОДИЛ № 25-26

СПЕЦИАЛЬНЫЙ

КОМСОМОЛЬСКИЙ

ДОШЛО до меня, о, счастливый читатель, что он выехал на охоту и ловлю и приказал своему заму „сесть на его место, чтобы судить, приказывать, запрещать и назначать, и отставлять, и давать и не давать“ (Сказки „1001 ночь“ Сказка 218-я).

И был это славный и далеко не мудрый дыркинский райпрокурор, который решил отдохнуть от трудов канцелярских. И звали его Хагов, Гассан Сергеевич.

И взял он с собой, в дальний путь, несметное количество неподписанных бумаг и непрочитанных заявлений, и еще больше вез он рыболовных снастей, удочек с хитроумными снарядами, коварных крючков и жирных дождевых червей. Но бережнее всего хранил Гассан в самых глубинах своего черного, как ночь над Багдадом, портфеля золоченые томики книги „1001 ночи“.

И каждый вечер сон не касался его ресниц, пока не прочитывал он очередной сказки Шехерезады, после которой его посещали сны, приятные и увлекательные.

И снилось ему, будто он могущественный калиф, прославленный Гарун-Аль-Рашид, и бродит он по городу, и заходит он в универмаги и пивные, и прислушивается к речам на колхозном рынке, и открывает двери подведомственных ему учреждений, и всюду во всем районе прославляют имя мудрого кади, его.

И так нравились ему эти сны, и так любил он эту книгу, что когда для него настала ночь, дополняющая до 270 сказки, переименовал он себя из Ивана в Гассана. И стал с тех пор райпрокурор именоваться Гассаном.

Когда же любопытствующие во-прошали его, откуда столь диковинное имя — Гассан, товарищ Хатов гордо говорил:

— О, любознательный! Знай, что это моя подпольная партийная кличка.

Но не рассказывал при этом новоявленный Гассан, что в партии он с 1927 года и если бывал в подполье, то только тогда, когда жена посылала его в погреб за квасом.

Итак, Гассан, как уже было раньше сказано, направлялся на рыбную ловлю. Ехал он в бричке, скрипевшей и дребезжавшей, как муэдзин на минарете, и вслух рассуждал с самим собой

Вот о чем рассуждал Гассан:

— О, сколь неблагодарна и невнимательна наша область, да удлинит Аллах границы ее! Такой работник — и вдруг без автомобиля!

И он с тоской надавливал на автомобильную грушу, которая была укреплена на облукке брички, и сирена завывала и не столько пугала она одиноких прохожих, сколько подстегивала тощих, смиренных лошадей, о которых еще не было раньше сказано, что они были взяты из пожарного обоза.

Эти лошади неслись вскачь изо всех своих двух лошадиных сил, давя по дороге гусей и цыплят, и настолько величественно было это зрелище, что Гассан забывал об автомобиле, далеко, как сказка, и близком, как видение.

Но истина требует отметить, что хотя сирена и говорила по-автомобильному, бричка эта так же напоминала автомобиль, как и наше повествование любую сказку из книги „1001 ночь“.

Ехал Гассан цветистыми лугами, звонкими перелесками, глухими лесными чащами, и солнце, и луна, и звезды освещали ему путь, и кланялись ему гордые сосны и ели.

*) судьи

Похождения Гассана Хатова (новья арабская сказка)

В которой будет рассказано: о пользе рыбной ловли в лунную ночь, о делах и днях достославного Гассана, о его победе и благополучном возвращении к месту службы, и о многом другом, а также приведен трактат о вежливости.

Сочинили сказку АБРАГО, а иллюстрировал К. ЕЛИСЕЕВ

Что же касается автомобильной сирены, то она завывала с удвоенной силой, и слава о мудром кади эхом разносилась на многие километры.

Два раза всходило солнце и трижды подымалась луна, прежде чем Гассан Сергеевич Хатов достиг цели своего путешествия.

Прославленные рыбаками, озера отливали при луне серебристой чешуей. И сказал Гассан кучеру своему:

— О, выключи мотор, Никита!

И Никита распряг лошадей, а сам уснул в бричке.

А вышеназванный калиф закурил папиросу „Бокс“ и принялся мастерить рыболовные снасти. И положил он слева от себя папки с непрочитанными заявлениями, и положил он справа от себя любимый томик арабских сказок.

И забросил он удочки в серебристые воды и, следя одним глазом за поплавами, открыл папку с заявлениями. И первым увидел он заявление колхозника Бобылева. И была в нем каракулями начертана печальная история о том, как забрал Добреевский сельсовет у Бобылева корову и любимого его и единственного поросенка Васю.

Как роса, выступили слезы на глазах Гассана, и вскочил он и воскликнул:

— О, где же революционная законность во вверенном мне районе?!

Но как раз в эту минуту случилось так, что большая рыба взмах-

нула хвостом и дернулся поплавок. Тогда Гассан бросил на прибрежный песок заявление и, как тигр, метнулся к удочке. Но тревога оказалась напрасной, и опечаленный Гассан снова закинул свой хитроумный снаряд и обратился к источнику утешения своих печалей.

И открыл он любимую книгу и, глядя на папку с заявлениями, которые обвевал ночной ветерок, произнес следующие стихи:

„К делам ты всем повернись
спиной,

И дела свои ты вручи судьбе“.

после чего обрел спокойствие и продолжал удить рыбу.

В отдалении фыркали и храпели лошади, и храпел Никита, и предрассветная луна опускалась за лесобледная, как полотно.

И снова заиграл поплавок на воде, и еще раз дернул Гассан удочку, но леска не поддавалась.

„Не иначе Аллах послал мне сома“, — подумал Гассан и, сняв с себя одежды, полез в воду. Он больно споткнулся о корягу, которую принял за сома, и долго вы-свобождал запутавшиеся крючки.

И уста его беззвучно, как молитву, шептали трехэтажную брань.

Что же касается лошадей, то в это время неизвестные разбойники запрягли их в бричку и угнали ее вместе с храпящим Никитой, сестными припасами и черным, как ночь над Багдадом, портфелем Гассана. Что касается Гассана, то, освободив, наконец, удочку, он, ни о чем

не подозревая, вылез на берег и увидел то, что случилось.

— О, меня жестоко ограбили разбойники! — воскликнул Гассан. — Они не только угнали моих любимых коней, похитили моего друга Никиту, но они сперли еще мои синие, гвардейского сукна, галифе!

И, подняв оставленные ему разбойниками рваные отрепья, которые некогда во время Гарун-Аль-Рашида действительно были брюками, он произнес такие стихи:

„Не корите вы огорченного за
грусть его,

Уж достаточно взволнован он
печалью“.

после чего лишился чувств.

Поднимавшееся из-за леса солнце осветило печальную картину. На берегу лежал Гассан, а рядом с ним сиротливо торчали три удочки и валялись брошенная грабителями автомобильная сирена, папка с заявлениями и томик Шехерезады.

И, увидев это, солнце опечалилось и упало без чувств за ближайшую тучку.

ГЛАВА 2-я, А НОЧЬ 1003-я

И луч солнца скользнул по лицу Гассана и привел его в чувство. Тогда Гассан встал, утолил жажду и начал обдумывать текущий момент.

— Все свершается мудро в этом мире, — произнес Гассан. — Если бы меня не ограбили, не сбылась бы мечта моей жизни.

И решил Гассан:

— Пойду я, подобно Гарун-Аль-Рашиду, неузнанный и неведомый. Я войду в учреждения моего района сквозь ворота для жалобщиков и просителей и добыю я наказания врагов моих. И отдадут мне синие галифе, и восторжествует законность во вверенном мне районе.

Произнеся эти слова, Гассан с отвращением натянул оставленные ему сочувственными разбойниками отрепья, прикрепил к поясу автомобильную сирену, взял под мышку папку с заявлениями и любимую книгу и отправился в путь.

И пошел Гассан прочь от прославленных рыбаками озер, пробираясь, как дровиш, цветистыми лугами, звонкими перелесками и глухими лесными чащами. И птички радостно приветствовали его разрешенными райлитом песнями.

И, пройдя положенное пространство, вручил Гассан дела свои судьбе, которая предстала перед ним в образе милиционера, сидевшего на завалинке сельсовета.

— О, хранитель колхозных дворов, ответствуй, как мне найти дорогу в милицию? Я — одинокий путник, и меня ограбили разбойники. — так начал свою речь Гассан.

— Милиции сегодня нет, — сворачивая цыгарку, равнодушно ответил человек в форме.

— А разве ты не милиционер? — продолжал Гассан.

— Я — эта самая милиция и есть, только я сегодня выходная.

— О, мой друг! — воскликнул Гассан. — Как же быть, если у тебя не совпадают выходные дни с разбойниками и они грабят одиноких путников в дни твоего отдыха?

— Завтра придешь, тогда и поговорим, — глубокомысленно заключил милиционер и поднялся, направляя свои могучие плечи.

Гнев вскипал в душе кади, как дымящийся кофе, но Гассан вспомнил о Гарун-Аль-Рашиде и промолчал.

(Продолжение в следующем номере)

Абраго.

РАССКАЗ будет о горьком факте из жизни Посиделкина.

Беда произошла не оттого, что Посиделкин был глуп. Нет, скорее он был умен.

В общем произошло то, что уже бывало в истории народов и отдельных личностей, — горе от ума. Дело касается поездки по железной дороге.

Конечная цель усилий Посиделкина сводилась вот к чему: 13 сентября покинуть Москву, чтобы через два дня прибыть в Ейск, на целительные купанья в Азовском море. Все устроилось хорошо: путевка, отпуск, семейные дела. Но вот — железная дорога. До отъезда оставалось только два месяца, а билета еще не было.

„Пора принимать экстренные меры, — решил Посиделкин, — на городскую станцию я не пойду. И на вокзал я не пойду. Ходить туда нечего, там билета не достанешь. Там, говорят, в кассах торгуют уже не билетами, а желчным порошком и игральными картами. Нет, нет, билет надо доставать иначе“.

Это самое „иначе“ отняло указанные уже два месяца.

— Если вы меня любите, — говорил Посиделкин каждому своему знакомому, — достаньте мне билет в Ейск. Жесткое место. Для лежания.

— А для стояния не хотите? — легкомысленно отвечали знакомые.

— Бросьте эти шутки, — огорчился Посиделкин, — человеку надо ехать в Ейск поправляться, а вы... Так не забудьте. На 13 сентября. Наверное же у вас есть знакомые, которые все могут. Да нет! Вы не просто обещайте, — запишите в книжечку. Если вы меня любите!

Но все эти действия не успокаивали, так сказать, не давали полной гарантии. Посиделкин опасался конкурентов. Во всех прохожих он подозревал будущих пассажиров. И действительно, почти все прохожие как-то нервно поглядывали по сторонам, словно только на минуту отлучились из очереди за железнодорожными билетами.

„Худо, худо, — думал Посиделкин, — надо действовать решительнее. Нужна система“.

Целый вечер Посиделкин занимался составлением схемы. Если бы его сейчас поймали, то несомненно решили бы, что Посиделкин — глава большой подпольной организации, занятой подготовкой нето взрыва железнодорожных мостов, нето крупных хищений в кооперативах открытого типа.

На бумажке были изображены кружочки, квадратики, пунктирные линии, литеры, цифры и фамилии. По схеме можно было проследить жизнь и деятельность по крайней мере сотни людей: кто они такие, где живут, где работают, какой имеют характер, какие слабости, с кем дружат, кого недолюбливают. Против фамилий партийных стояли крестики. Беспартийные были снабжены нуликами. Кроме того, значились в документе довольно-таки странные характеристики:

«Брунелевский. Безусловно может».

«Никифоров. Может, но вряд ли захочет».

«Мальцев-Пальцев. Захочет, но вряд ли сможет».

«Бумагин. Не хочет и не может».

«Кошковладельцев. Может, но сволочь».

И все это сводилось к одному — достать жесткое место для лежания.

„Где-нибудь да клюнет, — мечтал Посиделкин, — главное, не давать им ни минуты отдыха. Ведь это все ренегаты, предатели. Обещают, а потом ничего не сделают“.

Чем ближе подходил день отъезда, тем отчаяннее становилась деятельность Посиделкина. Она уже начинала угрожать спокойствию города. Люди прятались от него. Но он преследовал их неумолимо. Он гнался за ними на быстроходных лифтах. Он перегрузил ручную и автоматические станции бесчисленными вызовами.

— Можно товарища Мальцева? Да, Пальцева. Да, да, Мальцева-Пальцева. Кто спрашивает? Скажите, Леля. Товарищ Мальцев? Здравствуйте, товарищ Пальцев. Нет, это не Леля. Это я. Посиделкин. Товарищ Мальцев, вы же мне обещали. Ну да. В Ейск, для лежания. Почему некогда? Тогда я за вами заеду на такси. Не нужно? А вы действительно меня не обманете? Ну, простите великодушно.

Завидев нужного ему человека, Посиделкин, презирая опасность, бросался в самую гущу уличного движения. Скрежетали автомобильные тормоза и бледнели шоферы.

— Значит, не забудьте, — втолковывал Посиделкин, стоя посреди мостовой, — в Ейск, для лежания. Одно жесткое.

Когда его отводили в район милиции за нарушение уличных правил, он ухитрялся по дороге взять с милиционера клятву, что тот достанет ему билет.

— Вы — милиция, вы все можете, — говорил он жалобно.

И фамилия милиционера с соответствующим кружочком и характеристикой („Может, но неустойчив“) появлялась в страшной схеме.

За неделю до отъезда к Посиделкину явился совершенно неизвестный гражданин и вручил ему билет в Ейск. Счастью не было предела. Посиделкин обнял гражданина, поцеловал его, но так и не

В некоторых магазинах гражданам, стоящим в очереди за маслом, ставили на руку печать, удостоверяющую их стояние в очереди.

К. Елисеев

— Вот негодяй! Целовал мне руку и слизал печать на масло.

вспомнил лица (стольких людей он просил о билете, что упомянуть их всех было решительно невозможно).

В тот же день прибыл курьер на мотоцикле от Мальцева-Пальцева. Он привез билет в Ейск. Посиделкин благодарил, но деньги выдал со смущенной душой.

„Придется один билет продать на вокзале“, — решил он.

Ах! Напрасно, напрасно Посиделкин не верил в человечество! Схема действовала безотказно, как хорошо смазанный маузер, выпуская обойму за обоймой.

За день до отъезда Посиделкин оказался держателем 38 билетов (жестких, для лежания). В уплату за билеты ушли все отпускные деньги и 67 коп. бонами на Торгсин.

Какая подлость! Никто не оказался предателем или ренегатом!

А билеты все прибывали. Посиделкин уже прятался, но его находили. Количество билетов возросло до сорока четырех.

За час до отхода поезда Посиделкин стоял на гранитной паперти вокзала и несмелым голосом нищего без квалификации упрашивал прохожих:

— Купите билетик в Ейск! Целебное место — Ейск! Не пожалейте!

Но покупателей не было. Все отлично знали, что билета на вокзале не купишь и что надо действовать через знакомых. Зато приехали на казенной машине Брунелевский, Бумагин и Кошковладельцев. Они привезли билеты.

Ехать Посиделкину было скучно.

В вагоне он был один.

И, главное, беда произошла не оттого, что Посиделкин был глуп. Нет, скорее он был умен. Просто у него были слишком влиятельные знакомые. А чудное правило — продавать билеты в кассе — почему-то было забыто.

Ф. Толстовский.

Ю. Ганф

У КОЛЫБЕЛИ НОВОРОЖДЕННОГО

ДОБРЫЙ ДЕДУШКА: — Вот тебе, внучек, подарок — членская книжка жилищного кооператива „Московское объединение“. Как раз к женильбе получишь квартиру. А не дадут — правнуку завещай, чтоб, значит, по мужской линии.

Не менее, не более,
Как мог я заключить,
Признали, будто болен я,
И начали лечить.

Усилиям в столице
Не поддался недуг,
Отправили лечиться
Друзья меня на юг.

Попал я прямо к синему —
В Госнебводсоюз,
В республику дельфинью,
На родину медуз.

Сижу, гляжу на море я,
По морю ходит бриз,
За морем — Евпатория,
Там лечат ревматизм.

Меня ж пошли на берега
Хотя бы всех морей, —
Не верю я, не верю я,
Не верю в лекарей!

★

Пришел я к заключению,
Приехавши сюда,
Что мне вредна в лечении
Соленая вода.

И я, друзья, по-честному,
Открыто заявлю,
Что все-таки я пресное
И сладкое люблю.

Размыслил я по малости,
Без ярости, без зла,
Что все достойны жалости:
И краб и камбала.

Зачем с неравной силою
Вступать вам в рыбий бой,
Живите, рыбы милые,
По-братски меж собой!

Откиньте лицемерие,
Поверьте старику, —
Не верю я, не верю я,
Не верю я в акул!..

★

Вдали маячит лодочка
На голубой волне,
У лодочки походочка —
Ни да, ни бе, ни ме.

Она плывет с уклонами,
Плывет и не спешит.
Ах, лодочка зеленая,
Мчролюбивый вид!

Пришел и стал у мола
Усталый пароход,
На палубе — веселый
И боевой народ.

Девчонки все да парни все,
Горланят во-всю мочь —
Поди-ка, чай, — ударники,
Фабзавучи и проч.

Но что за фанаберия?
К чему такой галдеж?
Не верю я, не верю я,
Не верю в молодежь!

★

Разделся с огорчения,
Сижу в одних трусах.
Решил для развлечения
Омыть я телеса.

Тихохонько, не прытенько
Залез я в море, — ой! —
Ожгло, как самокритикой,
Соленую водой.

Гребу всегда я правую
Умело и легко.
Я в общем мелко плаваю,
А море — глубоко.

Боялся плыть, когда еще
Сидел на берегу,
А как отплыл подальше я, —
Плыть дальше не могу!..

Устал по меньшей мере я
И вот иду ко дну...
Не верю я, не верю я,
Не верю, что тону!

П. Дружинин.

НОВЫЙ ИНСТРУКТОР (пчеловод): — Вы бы эти штуки хоть отремонтировали, а то они у вас все в дырках.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕСТРЯДЬ

БОРЬБА С ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ

На тюменской спичечно-фанерной фабрике „Пламя“ — прорыв, для ликвидации которого Фанертрест командировал из Москвы своего инструктора Петра Марковича Зан.

Еще в пути Петр Маркович решил путем экстраординарных мер срочно восстановить репутацию фабрики.

В чем будут заключаться меры, Петр Маркович пока не имел ясного представления, но он знал твердо, что нужны будут меры, меры и еще раз меры!

И, не успев стряхнуть со своих ботинок дорожную пыль, Петр Маркович ринулся на фабрику, но неожиданно обнаружил деликатное обстоятельство: отсутствие носовых платков. Мелкое, но досадное обстоятельство было немедленно учтено, и ему было выдано 12 метров ситца...

После этой краткой заминки Петр Маркович вновь рванул на фабрику и вновь наткнулся на „обстоятельство“. На этот раз „обстоятельство“ было закрытым распределителем и ликвидировалось путем получения Петром Марковичем кульков и свертков с мукой, маслом, ветчиной и прочей снедью.

Затем он в третий раз бросился на фабрику, и в третий раз зникло „обстоятельство“. Заключалось оно в том, что Петр

Маркович „поиздержался в дороге“. Это обстоятельство было аннулировано тем, что Петр Маркович получил премию за рационализаторское предложение, за которое автор его замешкался получить, будучи менее расторопным, чем Петр Маркович.

Наконец Петру Марковичу надоели „обстоятельства“, и он решил прорваться сквозь все препятствия, возникающие на его пути. Перебирая в памяти ассортимент мер, он решительным рубящим шагом двинулся к фабрике.

На-полдороге и цели ему вручили повестку с настойчивой просьбой пожаловать для беседы с прокурором на тему о самоснабжении и присвоении рационализаторского предложения.

Такого „обстоятельства“ Петр Маркович предвидеть не мог и спешно, но в полном порядке отступил на заранее подготовленные позиции.

...Сидя в скором поезде Москва—Владивосток, Петр Маркович подумал:

„Человек приехал из центра помочь людям ликвидировать прорыв, поделиться с ними своим опытом и знаниями, а ему... повестка... Какое бездушие, тупость!“ — И горько улыбнулся, тщательно прожевывая бутерброд с ветчиной.

Нехорошее Слово

Рассказ В. Ардова

Иллюстрации В. Брискина

СЛОВА подобны людям: они рождаются, живут и умирают. (Примеры умерших слов: урядник, тезоименитство. Примеры слов, недавно родившихся: буденновка, вузовец).

Слова подобны людям: пристойные черные буквы, составляющие платье слов, прикрывают хорошее или дурное содержание.

Позвольте рассказать вам историю одного нехорошего слова, которое живет между нами. Оно сравнительно молодо. Гораздо моложе большинства своих товарищей. Оно живет лет 17, не больше.

Это слово — устроиться. Я настаиваю на страдательном залоге: устроиться. К глаголу „устроить“ мой рассказ не относится, потому что он — скромный пожилой глагол, который честно исполняет возложенные на него обязанности.

★
Был на излете 1915 год, второй год мировой войны. Империя, ее режим и народное хозяйство уже давали крен. Но в чистой и обжитой интеллигентской квартире большого города этого крена не ощущалось. Хорошо натертые паркетные полы ровно, без крена несли на себе сверхъестественное, но незаметное изобилие вещей. Встречаются и теперь еще такие чистые и обжитые квартиры, в которых вещи ведут себя столь солидно и скромно, что они даже незаметны, пока их не начнут выносить в виду переезда или ради весенней чистки, — и тогда просто рот раскрываешь на этот бесконечный парад утвари:

— Ба! юшки, да где же все это размещалось? И так, в квартире было обычно уютно, а в столовой передовой отряд вещей (посуда) построился на обширном столе в порядке, предусмотренном уставом о сервировке. На столе что-то испускало пар, что-то запотело от холодного содержимого, иные вещи поблескивали, другие приятно белели. Вокруг стола хлопотала дама. Дама была, как квартира: обжитая (лет пятидесяти) и чистая; сходство, вообще говоря, мало удивительное, так как имущество должно повторять характер владельца и наоборот.

Был ранний утренний час. В квартире стоял легкий шум, показывавший, что нечто значительное заставило всех членов семьи подняться разом. Хозяйка в восемнадцатый раз обегала стол.

И тут в комнату вошел двадцатидвухлетний сын хозяйки. Это его приезд был событием, заставившим всех подняться. На ходу сын расчесывал влажные от умывания волосы. Полотенце лежало на его плече, скрывая серебряный погон так называемого земгусара. Растегнутый френч коричневого цвета позволял увидеть блестящую сорочку. Молодцеватые галифе кончались под грудью. Сын приехал с Запада. Мать естественно полагала, что пули свистали над ним, несмотря на взятку, заплаченную за прикомандирование его к Земскому союзу.

Оторвавшись от стола, мать заговорила:
— Ну, расскажи, расскажи, как же это ты приехал? Ведь, говорят, поезда-то полны и сесть некуда!

Замгусар сперва осмотрел свой высокий сапог, в связи с чем дважды звякнул шпорой, затем снял с галифе белую нитку и тогда только ответил:

— Пошел к начальнику станции... Говорю: «Мне по делам службы, командирован с секретным поручением»... Одним словом, устроился.

Нехорошее слово родилось.

★
— Устроился! — говорил замгусар, сидя за мраморным столиком кафе. — Понимаете, устроился. Сказал, что по службе... Одним словом, устроился. А вы тут как?

И замгусар, оглядывая соседние столы, над которыми подымался гул ровный, как будто его издавала средней величины машина, а не беседа благообразных офицеров в зеленых бекешах с дамочками, затынутыми в длиннополые костюмы.

— И мы... как ты говоришь?.. устроились, — отозвался один из приятелей. — Устроились поменьше.

— Что Васька Свистицкий?
— Устроился. Где-то в санпоезде.

— А Староухов?
— Тоже устроился. И Зачепихин.
— Устроился?
— Устроился.

Нехорошее слово начинало ходить. Как всякий младенец, оно перебегало сперва внутри маленького кружка собеседников, цепляясь за уста присутствующих. Но к вечеру оно вышло из кружка, а на другой день самостоятельно ходило по городу.

— Вы слышали, как устроился Чепетинский? — говорили где-то в бельэтаже. — Он купил три вагона проволоки по пять двадцать, а продал по четырнадцать пятьдесят. Вот устроился!

— Мне бы теперь устроиться отдохнуть, — мечтал кто-то в четвертом этаже.

И, проходя мимо городского на перекрестке, „нижний чин“ маршевого батальона в те дни еще бессильно ворчал:

— Устроились здесь в тылу, фараоны проклятые! Нет, вас бы на фронт, в окопы...

Через три дня нехорошее слово одновременно с трех вокзалов отбыло для завоевания всей страны.

★
И вот семнадцатый год слово „устроиться“ сопутствует нашему времени. Оно пережило и переживет многих из нас. Над всем тем, что есть в стране плохого, шкурного, хищнического, флагом развертывается это слово.

— А вот Мурмилов ловко устроился: у него соседи по квартире бежали в Киев к белым, так он всю обстановку загнал, посуду загнал, платье.. Вчера я его видел, он приклеивал к столбу объявление: „Продается роскошная клетка для попугаев“...

— Снисюлевич устроился: на четырех службах, четыре пайка получает, что ему? Теперь жениться хочет, не пропадать же, говорит, продуктам...

— Бодулин устроился в заградительный отряд. Там — лафа.

— Что вы! Бодулина же расстреляли за это самое: поймали, как он из отряда на Сухаревку возил, и...

— А я-то думал, что он устроился!

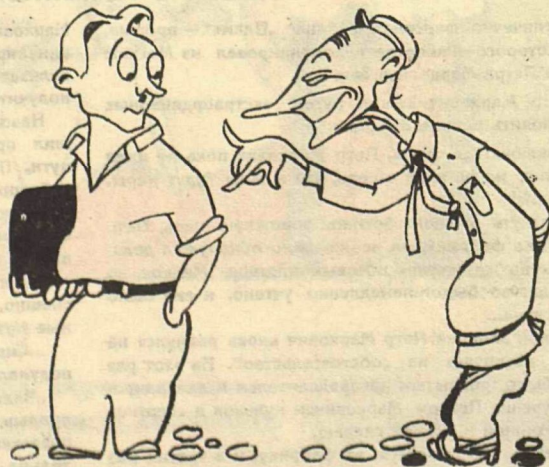
— Нет, вот Чичмарев устроился. Как объявили нэп, булочную открыл на Никитской улице, от покупателя отбою нету. Тем более, у него пирожки с мясом с яйцами, с рисом с яйцами, с капустой с яйцами, с яйцами с яйцами...

— Квасюк, он устроился. Он — представителем какого-то уральского треста. Когда здесь сидит, получает командировочные с Урала. А поедет на Урал — отсюда берет суточные. И работы никакой.

— Вот Дерман устроился, так устроился! У него дядя в Риге, каждый месяц ему две-три посылки. Пудра, духи, чулки. Дерман теперь заказы принимает. На ваш размер, говорит, на той неделе будет.

— Устроился, Петя, устроился, — анкету себе добыл приличную, от родителей в газете отказался. Мол, отказываюсь, от отца, проклинаю мать, с бабушкой разделаюсь на той неделе. Они ему теперь деньги на чужое имя высылают, — а он в вузе...

— И Спиригин устроился. Посылали его, было, в Магнитострой, а он говорит: „Какая жалость,

что я раньше не знал! Аккурат вчера получил грыжу. Теперь никак не могу ехать!“

— Взлизин устроился...
— Устроился Балахонov, устроился...
— Они устроились.
— Устроилась Вера Дмитриевна...
— Почти ребенок, еще дитя, а ты бы посмотрел, как это дитя устроилось!

★
Нехорошее слово имеет постоянный штат своих рыцарей и фаворитов. Это те люди, которые „устраиваются“. Но существует еще одна категория: несчастные поклонники нехорошего слова. Поклонники чересчур неловки, необоротливы. Они сгорают от желания „устроиться“, но им не дано это искусство. И сердца их преисполнены вечно неутолимой жаждой. Им кажется, что весь мир непрерывно „устраивается“ в прямой ущерб их собственным интересам.

Глаза у этих несчастных всегда подозрительно прищурены, губы искривлены скептической гримасой. Они обычно скрытны и молчаливы. Но иногда, особенно при встрече с старым товарищем, они открывают душу:

— Слышал я про тебя, — говорит неудачный поклонник нехорошего слова своему приятелю, брезгливо, не глядя ему в глаза, — слышал, как ты устроился...

— Да, — наивно отзывается приятель, — вот стал литератором, пишу помаленьку.

— Да... Ловчишь все... устраиваешься... Ну, ловчи, ловчи. А про Чайкина слышал? — (Чайкин — это общий знакомый собеседников).

— Как же! Он, говорят...

— Устроился, сукин сын! И здорово устроился: профессором. Ловчил, ловчил и выловчил...

Приятелю завистника хорошо известно, что Чайкин вполне достоин своего звания профессора. Он пытается высказать это, но оравленный завистью поклонник нехорошего слова не дает ему говорить:

— Знаем, знаем мы вас! — грубо перебивает он. — Все вы, ловчицы, друг за друга горой! Устраиваетесь...

Приятель спешит попроситься. Поклонник нехорошего слова протягивает руку с улыбкой просто уже дьявольской злобы. Затем он берет газету и, желая сосредоточиться на ней, вслух читает:

— „Народный артист республики В. Э. Мейерхольд ставит новую пьесу...“

— Устроился, небось, — неожиданно для себя бормочет он. — Тоже ловчила этот Мейерхольд! Ишь, как устраивается... Тьфу!

— „Наркоминдел тов. Литвинов отбыл в Женеvu на мирную конференцию“.

— И Литвинов, я погляжу, устроился... Все устраиваются...

Несчастный поклонник нехорошего слова поднимает голову от газеты. В середине неба исправно пылает солнце. Поклонник, жмурясь, обращается к солнцу:

— Ну что, устроилось? Тоже, небось, все ловчишь посветить да погреть... Знаю я вас!

★
Нехорошее слово пережило старый порядок. Пережило потому, что мы унаследовали от прежнего и недостаток всяческих благ и навыки хищнического усвоения этих благ, то есть искусство „устраиваться“. Но несомненно, нехорошее слово умрет. Оно умрет естественной смертью, так как наступит время, когда не нужно будет устраиваться. Это окажется просто излишним.

И тогда-то глагол „устраиваться“ будет говорить не чаще, чем теперь произносят имя существительное: „тезоименитство“.

Вероятно позже всех отыкнут от всего неудачные поклонники этого слова. Но они еще года через три после того как в последний раз кто-то „устроится“, будут оговариваться:

— А вот Колумб в свое время ловко ус... — тут неудачный поклонник поперхнется и поправит себя: — Я хочу сказать — ловко с'ездил. Помилуйте, ехал по морю и нате вам: открыл Америку..

И тогда, может быть, глаза этих пораженных завистью людей откроются на мир во всю свою величину, а линия губ обретет естественное очертание.

В. Ардов.

„ПЕЙЗАЖ“ С НАТУРЫ

6-й участок на Магнитной
Весьма язвительно глядит
На свой пейзаж неаппетитный,
На новый (в старом стиле) быт.

Глядит: рабочие бараки—
Найдется ль что-нибудь грязней:
Их даже драные собаки
Обходят за сто саженей.

Как вечер, — мучайся без света,
Попить захочешь, — нет воды.
И шлет рабочий, тьмой одетый,
Всю жизнь „туды и растуды“.

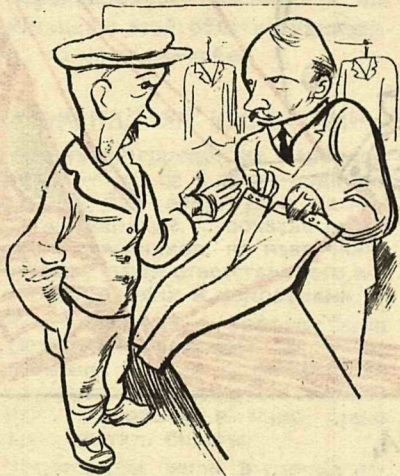
Помойки в вони утонули,
Когда ж в уборные идешь,
Влезай, как клоун, на ходули,
Иначе, парень, пропадешь.

Гулик.

НЕПЕРЕНОСИМЫЕ БРЮКИ

Магнитогорский ЦРК, получаю-
щий брюки от Ленинградского
за 9 руб. 75 коп. продает их по
19 руб. 05 коп.

А. Радаков

— Возьмите брючки-то: лю-
боваться будете.

— Мне бы по такой цене, что-
бы не любоваться, а носить можно
было.

ПО МИШЕНИ

НА ОТВЕТСТВЕННОМ УЧАСТКЕ

Строительству рудодробильной фабрики и рудопромывочной, которые обеспечат бесперебойное снабжение рудой Сталинска и Магнитогорска, срочно нужны рабочие руки. Управление Магнитостроем отдало приказ начу по труду: снять рабочих откуда угодно и перебросить на рудодробильную и рудопромывочную. Сначала нач по труду тов. Рожанский просто забыл про этот приказ и пребывал в забывчивости больше трех недель. А когда приказ напомнил, 250 рабочих были сняты со строительства вспомогательных цехов и срочно переброшены... на строительство шоссе между Соцгородом и Березками. Это шоссе никак не является грузовой дорогой и может служить только для легкового автомобильного сообщения, тем более, что все работники, пользующиеся автомобилями, живут именно в Березках!

Поистине можно сказать:
Жаль, что эти рабочие строят
шоссе из Березок в Соцгород, а
не прокладывают дорогу скатертью
из Магнитогорска рабочникам
по труду!

НА ПАМЯТЬ

28 июля на Комсомольской домне был сорван выпуск чугуна в третью смену, потому что командант „забыл“ подписать пропуска горновым и их без подписи и домне не допустили.

Подобного рода „забывчивость“ — не только несчастье, но и позор. Желательно, чтобы подобные случаи не повторялись. А для этого советуем команданту завязать на память узелок со своими вещами и тихо уйти из командатуры. Навовсе!

„ЖИВУ В СОЦГОРОДЕ“

ИВАНУ НИКИТИЧУ Ермакову не то, чтобы повезло, а просто, видно, очередь подошла (без очереди и тут нельзя): дали ему комнату в новом доме в Соцгороде. Глянул последний раз Иван Никитич вокруг себя на всю свою и чужую барачную жизнь, вздохнул и проникновенно выговорил:

— Правильно. Пора и по-человечески жить начать. А это — что же это такое? В наше время и свиньям культурную жизнь устраивают, а мы в своем бараке такое развели, что и...

Тут Иван Никитич плюнул прямо на пол, пользуясь барачной грязью, растер сапогом, пользуясь тем же обстоятельством, собрал свои монетки, весьма несложного порядка, и уехал в Соцгород.

Комната в Соцгороде оказалась прекрасной: большая, высокая, светлая, — живи не хоч! Правда, дом еще не был закончен, не было водопровода, канализации и уборной, но... во-первых, в бараке их тоже не было, а во-вторых, — не все же сразу.

Иван Никитич разложил свое имущество на полу, — другой мебели не было, — и пошел искать какую-нибудь обстановку. Сунулся он насчет купить, — ведь не на день въезжает человек в Соцгород!

Из магазина карета „скорой помощи“ его быстро доставила в перезачный пункт, — цены не только покусили его, но прямо надо говорить — обгрызли!

Оправившись от потрясения, Иван Никитич задачу разрешил проще: пошел назад в барак, забрал собственную свою койку, выпросил „на время“ постельные принадлежности, один стул все же купил за двадцать восемь рубликов, столом стал именовать узенький подоконник и зажил в Соцгороде.

Когда он пришел в барак за койкой и прочим, товарищи окружили его как явного счастливицу. Иван же Никитич знаки зависти принимал как должное и завидующим поддакивал:

— Конечно, как говорится, счастье привалило, хотя и не вне очереди. Жизнь сравнивать нельзя, — потому что культура. Тут — сами видите — грязь! Вонь! Клопы! Тьма! Словом — барак... А там — дело другое, конечно. Комната светлая, чистая, не только что плюнуть на пол, даже входить-то опасаться, как бы не напачкать. И жизнь вообще культурная. Тут — что? Скажи! А от скуки и водочка и картишки. Там же — ни-ни!

... Вечер был темный, холодный и с ветерком. Иван Никитич оглядел свою комнату, зажег свет, присел к „столу“ почитать. Не удалось, — свет от лампочки ехидно попадал куда угодно, только не на книгу. Иван Никитич открыл окно, с досадой плюнул туда, блюда чистоту соцгородского жилища, посмотрел в вечернюю мглу, понюхал чистый воздух и высказался:

— Воздух, конечно, сравнивать нельзя: ни тебе доменной вони, ни тебе коксового смраду, ни тебе паровозной копоти — не то, что на площадке. А все-таки...

В комнате было пусто и уныло: койка и стул, в углу — сундучок, у окна — Иван Никитич...

— В клуб разве сходить? Да разве до него дойдешь? Это же в щитовые дома подаваться надо, — все ноги переломаешь... В бараке хоть компания есть, в картишки можно перекинуться, водочки хватануть, а тут...

Иван Никитич схватился за щеку, пронзенную жгучим укусом. В руке оказался клоп. Иван Никитич

даже не рассердился, наоборот растрогался и умилился:

— Ишь ты, насекомая, куда забралась! Старый знакомый... Небось, тоже бараки вспоминаешь?

Клоп был все же раздавлен, несмотря на задушевную встречу. Иван Никитич решил написать письмо домой, полез в сундучок за бумагой и поразился: в сундучке деловито и хлопотливо ползали клопы в белье, в книгах, в бумаге... Иван Никитич кинулся к койке, — та же картина: клопы совершенно не намерены были расставаться с насиженными еще в барачную эпоху гнездами.

Иван Никитич не выдержал и плюнул уже на пол:

— Вот леший! А еще говорят — Соцгород! Клопов больше, чем в бараках... Зато в бараках, хоть люди, водочка и картишки... а тут? Он плюнул еще раз, уже со смаком.

В дверь постучали. Появился сосед по квартире, тоже рабочий, тоже недавно перебравшийся из барачков:

— А я за вами, товарищ! Видать, и вам не весело? Валим ко мне! Можно сказать, фронт работ подготовлен на все сто: „баян“ стоит, кое-какой закусон соберем, приступим к опробованию механизмов и, как говорится, задувке? Завтра все равно выходной!

Наутро мрачный, непохмелившийся Иван Никитич сидел на стуле у подоконника и писал письмо домой:

„Живу в Соцгороде. Конечно, Соцгород — одно название. Никаким соцгородом и не пахнет; в комнате грязь, клопов до чорта, хуже, чем в бараках. Там, по крайней мере, по всем распознались, а тут на одного меня наваливаются. Окно не открывается, как у меня на подоконнике все хозяйство, то его трудно сдвигать, от чего в воздухе спираль. К тому же никаких культурных развлечений и мебели. Хорошо еще, что сосед достался на большой палец с присыпкой, — парень компанейский и бусануть не дурак. В общем же целом, как и говорено, — Соцгород одно неоправданное название!“

Вл. Павлов.

ВЫСОКАЯ МАТЕРИЯ

На заводе им. Молотова в столовой кормят рабочих сырой водой, порченой рыбой и тухлыми кишками, при чем один и тот же обед стоит утром 45 к., днем — 66, а вечером — 75 к.

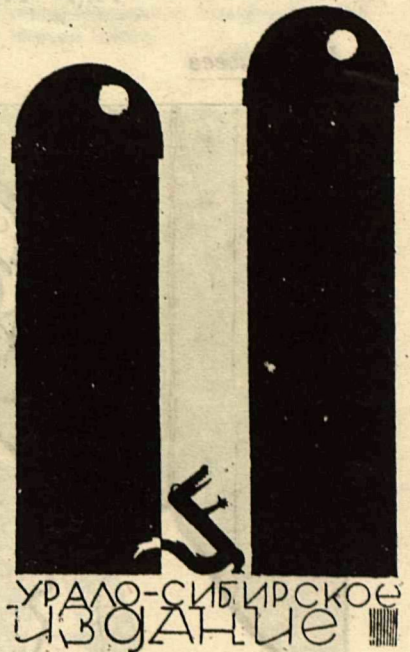
А. Радаков

„ПРЕВРАТИМ СТОЛОВУЮ В ОБРАЗЦОВЫЙ ЦЕХ ПИТАНИЯ. УЛУЧШИМ ПИТАНИЕ РАБОЧИХ“

ОБСЛЕДОВАТЕЛЬ: — Вы что-нибудь сделали для улучшения питания?

ЗАВ: — А как же: вон, смотрите, — всю ночь работали!

МНОГОНОГИЙ ПОКОЙНИК

На Сисимском сплавном участке утонул единственный в мире обладатель пятидесяти пар ног. Фамилия этого уникала утонула вместе с ним, но зато выплыло весьма любопытное

ТРЕБОВАНИЕ № 10106
ОТ 23 ИЮНЯ 1932 Г.

Отпустите для сплавочника для похорох отопленика:

Мануфактуры . . . . . 3 метра
Сапог . . . . . 7 пар
Ботинки . . . . . 43 пары

Зав. участком Родионов.

Отныне Родионов знаменит не менее покойника-многоножки: имея всего две ноги и две руки, он ухитрился, кроме леса, сплавлять еще и обувь. Для полноты экипировки следовало бы ему вместе с ботинками дать по шапке.

„ТЯЖКИЙ ТРУД“

Отделу нерудных ископаемых Магнитогорского геологоразведочного управления посвящается.

К ЧАСУ дня встает с постели... Ну, понятно, — завтрак, чай, и за булочкой о деле вспомнит словно невзначай.

— Нужно ехать, — вот ведь горе! — в управление пора.

Потолкается в конторе этак часик-полтора. По привычке — все знакомо, никаких новинок нет, — и пыхтит обратно к дому, где уже готов обед...

...Тяжкий отдых на кровати (выполняет сонпромплан!) и при солнечном закате покидает он диван. Трубки радио на уши (вот нагрузка — хоть плачь), и садись, до ночи слушай все программы передач...

Мы слегка поднимем полог, — речь о ком ведется тут?

То — Приспешников — геолог и его „тяжелый труд“. Труд системы самой новой, а системочка легка. он за тысячу целковых здесь валяет дурака!

Что ж, погладив против шерстки, мы совет решаем дать: нужно из Магнитогорска всех ПРИСПЕШНИКОВ прогнать.

Алек Сан-Дыр.

НА КОРОТКОЙ НОГЕ С ОБЩЕСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

К. Елисеев

В КООПЕРАТИВЕ ОН ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ, КАК ДОМА,

А ДОМА, — КАК В КООПЕРАТИВЕ.

НОВОСТИ ФИЗИОЛОГИИ

На 1-й странице балахнинской многотиражки „В бой за торф“ красуется крупное объявление:

На 1 участке Чернораменского гидроторфа сегодня будет готовиться:

1-е блюдо: щи полтавские. Мяса в сыром виде полагается торфянице 166 граммов, торфянику — 233 грамма.

2-е блюдо: пшенная каша. Торфянице — 200 граммов, торфянику — 300 гр. В суп и кашу масло: торфянику — на 1 р. 94 к., торфянице — на 1 р. 46 коп.

Как столовая, так и редактор газеты, повидимому, основываются на последних данных физиологии питания, кратко выраженных в известном изречении: „Курица — не птица, баба — не человек“.

Опубликовываем достижения балахнинцев в этой области. Удивляйтесь, но не подражайте!

ПРОМЕНАД ЗА КРОЛИКАМИ

Маленький городок на Северном Кавказе — Сальск в один прекрасный день был ввергнут в неслыханное волнение. С вокзала ехали десятки извозчиков, на извозчиках восседали люди ответственного вида, с портфелями и чемоданами.

Все гостиницы в городе были заняты ответственными, цены на колхозном базаре поднялись на 30 процентов, рестораны начали бойко торговать, в кино стало трудно достать билеты.

Незнакомцы жили в городе неделю, две, три. К концу месяца соответствующие организации начали выяснять причины переполнения города.

Оказалось, что все ответственные приехали из разных организаций

Москвы на предмет закупки кроликов для снабжения рабочих центров. Сидели же они без движения в Сальске потому, что ответственные ехали курьерскими, а клетки для кроликов везут очевидно на волах.

То же самое и с кормом для приготовленных кроликов.

В общем и целом, ответственные в хорошем климате прекрасно поправляются, кролики начинают понемногу дохнуть.

НЕ В СВОИ САНИ

В своем заседании коопбюро Севкавэнерго —

„Слушало о снижении цен в пошивочной мастерской.“

Постановило: предложить пошивочной мастерской снизить цены на работу, а в случае отказа открепить ее сотрудников от столовой Севкавэнерго“.

Товарищи из коопбюро, зашились вы с пошивками!

СВОЙ ПОДХОД

Как известно, каждая кухарка должна научиться управлять государством. Но у директора Дубовского сельскохозяйственного техникума Кузнецова на этот счет имеются свои соображения: улучшенные обеды из столовой он разрешил выдавать только холостым преподавателям техникума.

Женатым отказано: должны же их жены научиться управлять горшком!

„ВИДОВАЯ“

Барнаульский мнотеатр расклеил плакаты с такой надписью:

„В первый раз на экране великолепные виды Индии в картине „Индейцы Южной Америки“.“

И никаких видов на грамотность!

В. Брискин

— Почему этот соловей не поет?

— А его так обложили налогом, что он с горя голос потерял...

МЕЛКАЯ ЗВЕРЬ

Конечно лев гораздо солиднее кролика. Знатоки львиных привычек уверяют, что лев, например, может хвостом убить лошадь. Специально он этим не занимается, но при случае, — почему же и нет. Кролик этого не может. И характер слабый и хвоста подходящего нет. Очевидно поэтому многие и не уважают кролика. И к разведению кроликов относятся несочувственно. Вот если бы, например, тигров в ЦЧО разводить, — это другое дело. Все-таки тигр — это вещь в руках. И полосатый, и рычит, и человека съест может. А кролик и за жалование рычать не будет.

Именно с этой точки зрения и надо объяснить все те суждения и сентенции, какие высказываются двуногими в разных концах СССР по поводу кролика.

Вот, например, уважаемый товарищ Кожух, талантливый председатель Нащекинской потребкооперации, сказал о кролике такое веское слово, полное чисто исторического величия и философской глубины:

— Такая мелочь, как кролики, это — дело единоличников.

И действительно, если уж приличному колхозу и разводить кого-нибудь, так, по крайней мере, — слонов. Ну, еще парочку бегемотов для выходных дней или там какого-нибудь носорога для ребятишек. Но солидный колхозник, едущий на базар с кроликом, — это просто насмешка. Товарищ Кожух так расстроился, что после произнесения своего афоризма даже велел распродать кроликофермы. А то еще действительно разведутся кролики, — а потом мучайся с ними.

А то, что с этим несчастным зверем приходится мучиться, ясно и определенно заявил председатель Ивановского райколхоза Васильев.

— Кролики, — погладив бороду, сказал этот рай-мужчина, — только помеха в хозяйстве.

Если бы еще парочка удавов была в райколхозе — еще туда-сюда. Для них можно было бы завести кроликов. Пусть кушают. А так просто — не стоит. На кролике не поедешь в церковный праздник в гости. Кролика не подоишь. Самогон из него не сделаешь. А держать его, чтобы его потом в городе съели, — извините. На это товарища Васильева не поймает. Не маленький.

И пока обиженный Васильев продумывал планы верной мести ненавистному зверьку, Одесский райколхозсоюз нашелся сразу: взял и уволил кролиководца „за ненадобностью“. Если бы еще тигровод или пантеровод, ну, нужно было бы подумать, а тут что же!.. Пусть сами кролики пишут письма в редакцию, что остались без идеологического руководства.

И жаль, что среди кроликов не ликвидирована неграмотность. Они бы написали такое, что долго не забылось бы. А пока несчастный кролик на юге СССР разбит в жаркой теоретической схватке на голову. И поделом! Знай свое место! Не рвись в рабочую столовую! Не лезь в меню! Вел бы себя скромно, не размножался бы, не плодился бы и не заслужил бы того, что о тебе сказал четвертый южный головоглот с совсем уже уездного масштаба:

— Что есть кролик? Так себе — мелкая зверь безо всяких подробностей.

Кл. Унывалов.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“. АДР. РЕД.: Москва, Тверская, 8. Телефон 3-70-16. Прием ежедн. с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24 и 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журнал „КРОКОДИЛ“ — 60 к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ.

Редакционная коллегия: Я. Вельский, С. Дорофеев, Ш. Мануальский, Л. Митинский.

Зав. редакцией И. Абрамский.

Ответственный редактор Ш. Мануальский

Москва. Изд. № 834

Сдача текста и рисунков — 14/VIII

Подпись к печати — 24/VIII

Статформат А4—210×297 Печатных листов 2 1/2. Колич. знаков 100.000.

Уполномоч. Главлита № В—19220.

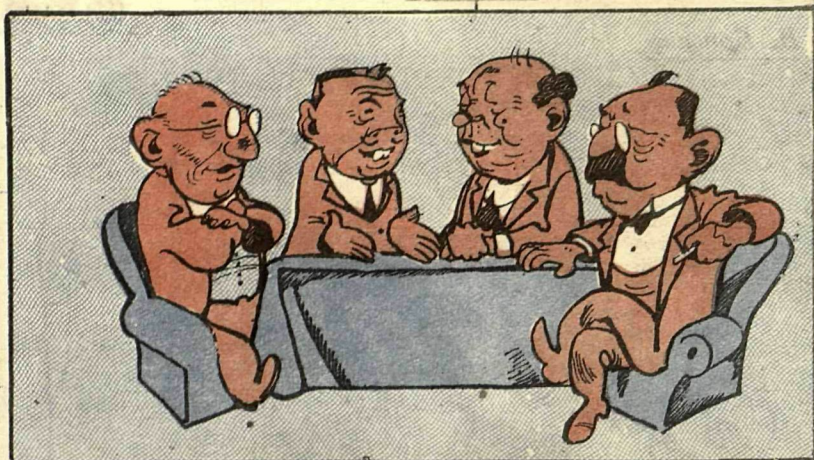
2-я тип. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“. Москва, Суцеск. вал, 49.

Зак. № 2091

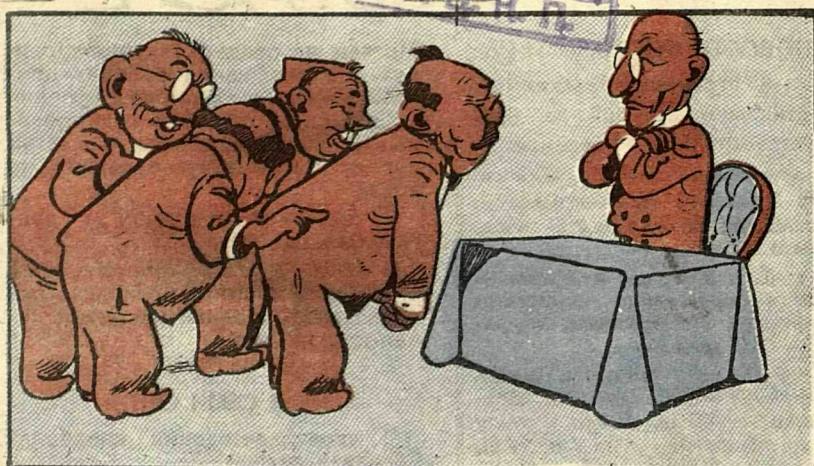
Тираж 500.000 экз.

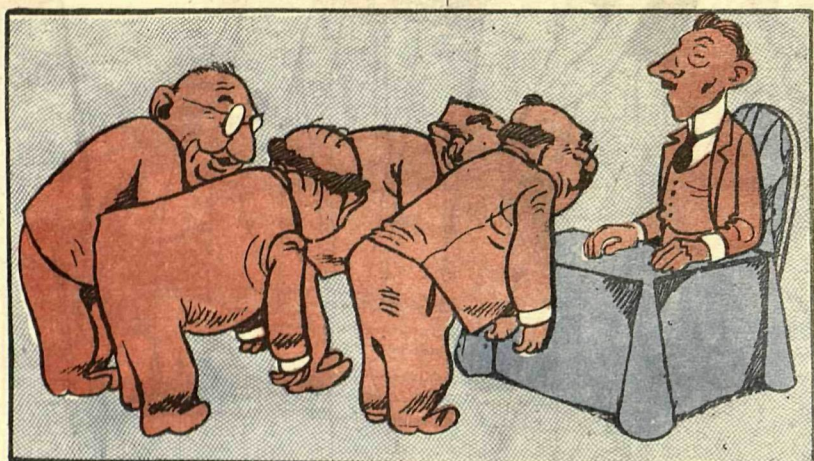
АРХИВ
16 СЕН 1932
С.И.И.Р.

1. — Ну-с,— сказали немецкие социал-демократы, заняв министерские посты, — пусть попробует какой-нибудь Брюнинг покуситься на наше правительство. Мы ему покажем, где раки зимуют. Однако в самом непродолжительном времени...

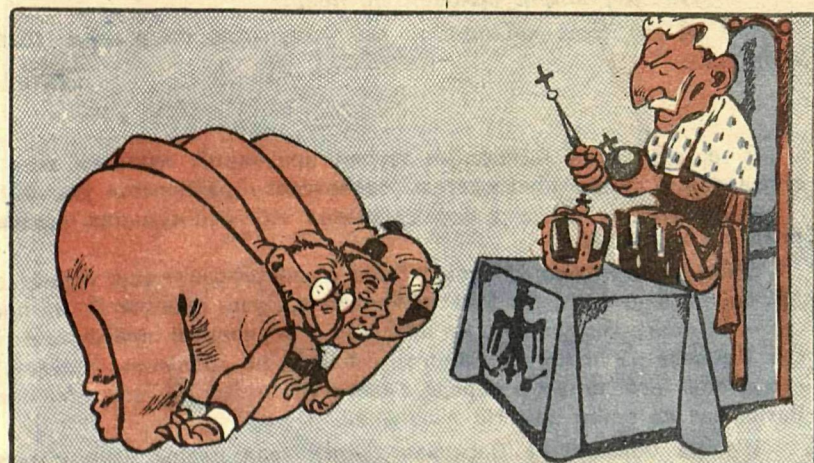
2. ... образовалось правительство Брюнинга.
— В конце концов,— сказали с-д., — Брюнинг, хотя и буржуй, но все-таки наименьшее зло. Вот если бы к власти пришел фон-Папен, мы бы ему показали... Шли годы. И вот...

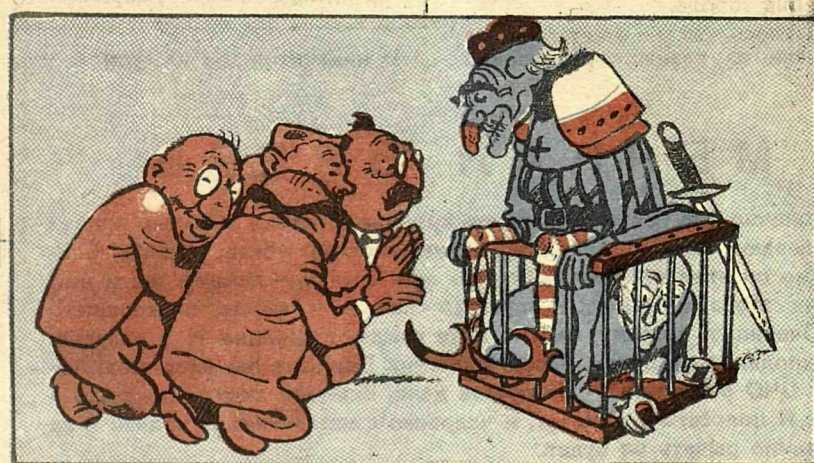
3. ... кресло рейхсканцлера занял фон-Папен.
— Ведь, в сущности, что такое Папен? — сказали с-д. — По сравнению с Гитлером он положительно наименьшее зло. Вот ежели бы власть захватил Гитлер, мы бы ему... А дальше будет так:

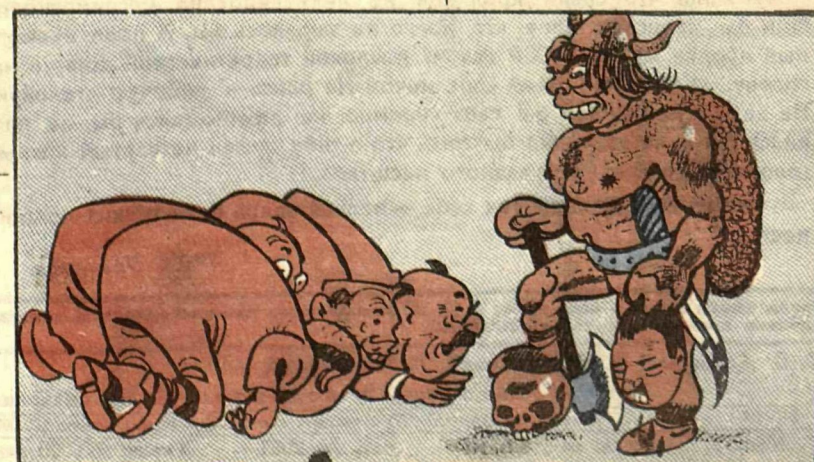
4. За министерский стол усядется Гитлер.
— Ах ты, боже мой, — скажут с-д., — и чего мы, вообще говоря, волновались? Ведь по сравнению с Вильгельмом кровавым Гитлер — наименьшее зло? Наименьшее. Следовательно... Будет и так:

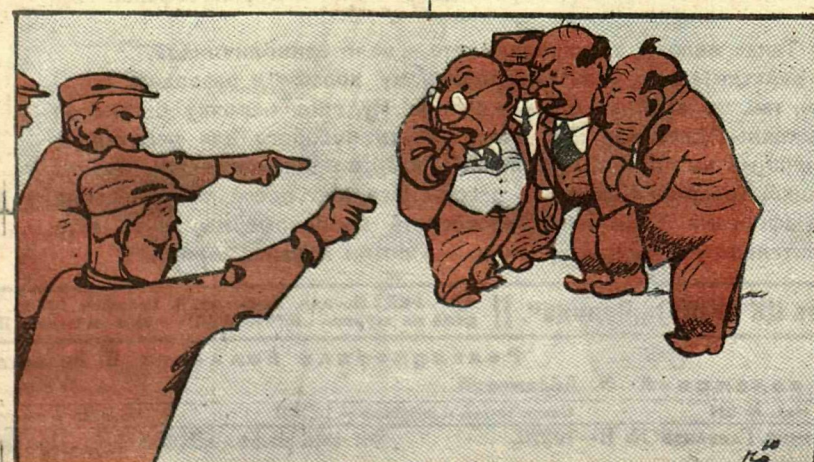
5. Появится Вильгельм.
— Позвольте, ваше величество, вас поддержать, — скажут мудрые с-д., — ведь вы, вашество, по сравнению, скажем, с Людовиком XI, определенно наименьшее зло. И так будет:

6. Людовика XI социал-демократы встретят, как отца родного.
— Уж кого-кого, — скажут с-д., — а вас-то мы обязательно поддержим. Ведь по сравнению с королем гуннов Атиллоу вы зло, надо прямо сказать, наименьшее.

7. Атиллау они, согласно своей растяжимой теории, тоже найдут наименьшим злом.

8. И не понимают они одного. Не понимают, что сами они наряду со всеми показанными выше правителями являются для германского пролетариата наибольшим злом.